

А
Петр Николаевич Краснов

"Двѣ смерти".

текст приводится по изданию:

"Нива", No 28.

Иллюстрированный журнал литературы политики и современной жизни.

Петроград. Изд-во Т-ва А. Ф. Маркс. 1917г.

I.

Позднимъ вечеромъ, когда уже совершенно стемнѣло, спотыкаясь о какіе-то сучки и корни, командиръ роты сторожевого участка прапорщикъ Стойкинь прошелъ ходомъ сообщенія въ свою роту, занимавшую передовую заставу. Наступала душная іюньская ночь. Сильно пахло отхожими мѣстами и отбросами бойни, и въ этомъ узкомъ душномъ ходе какъ-то совершенно забывалось о томъ, что теперь стоитъ лѣто въ полной красѣ, что луга покрыты цвѣтами, что, наливаясь колосомъ, мѣрно, какъ море, колышется рожь, что поютъ свои пѣсни веселыя птицы. Тутъ было тихо. Песчаные бугры, по которымъ шли, извиваясь зигзагами, ходы сообщенія, лишь кое-гдѣ поросли чахлою травкою и только мыши да большія черныя лягушки населяли эти узкія канавы.

Уже полъ года здѣсь. Полгода -- темный блиндажъ, сырой и холодный, вмѣсто квартиры, полгода обѣдъ съ солдатами изъ общаго котла, полгода, идущихъ однообразно-скучно въ трехстахъ шагахъ отъ противника.

Прапорщикъ Стойкинь весьма озабоченъ. Сейчасъ его вызывали къ командиру полка. Пришла телеграмма отъ штаба арміи -- во что бы то ни стало добыть плѣнных. Во что бы то ни стало! Штабъ какими-то своими невидимыми щупальцами учуялъ, что противъ этого участка произошла смѣна частей. Необходима провѣрка. Безъ нея всѣ сообщенія штаба не будутъ обоснованы. Эта развѣдка поручена прапорщику Стойкину. Его ротѣ.

-- Вызовите охотниковъ, -- говорилъ ему усталымъ голосомъ командиръ полка. -- Охотниковъ съ ножницами и ручными гранатами. И пошлите ихъ человекъ двадцать или тридцать нѣсколькими партіями. Знаете, тамъ у нихъ есть выступъ такой, противъ сухой яблони. Ну, такъ вотъ тамъ часовой есть. Его и сцапайте. Или во время смѣны подстерегите смѣняющихся.

-- Тамъ пулеметь, -- робко сказал Стойкинь.

-- Да, пулеметь. Это верно. Но ведь, дорогой мой, у него вездѣ пулеметь. Знаю, что опасно. Людямъ посулите кресты, ну, тамъ и денежная награда обѣщана, кромѣ того, въ отпускъ внѣ очереди. Знаете, надо...

Онъ поднялъ глаза на Стойкина. Передъ нимъ стоялъ мальчикъ. Мальчикъ-гимназистъ въ защитной рубахѣ съ сѣрыми погонами прапорщика. Безъусое и безбородое лицо сильно загорѣло и было покрыто золотистымъ пухомъ. Большіе сѣрые глаза были утомлены, волосы спутаны и росли вихрами, не поддаваясь гребенкѣ. Онъ былъ такъ юнъ, что не вѣрилось, что онъ командиръ роты и начальникъ слишкомъ 200 человекъ и отвѣтственного участка -- окопа No23, прозваннаго солдатами фортомъ Мортонмъ.

На фортѣ Мортонмъ, за блиндажомъ, у колодца съ врытой въ землю бочкой, была небольшая площадка. Она почти не обстрѣливалась, т.-е. попасть въ нее можно было, только бросивъ по очень крутой траекторіи бомбу изъ бомбомета. Навѣснымъ огнемъ. Противникъ пробовалъ это дѣлать нѣсколько разъ, но это ему никогда не удавалось. Тамъ собирался ротный резервъ на бесѣды, тамъ читали газеты, горячо обсуждали событѣя, одни громили братанье, другіе доказывали, что только оно одно приведетъ къ миру, тамъ иногда нестройно, одичавшими и огрубѣвшими голосами, пѣли пѣсни, тамъ неискusstный гармонистъ игралъ все одинъ и тотъ же надоѣдливый мотивъ, тамъ Стойкину задавали вопросы, мучительные вопросы тугой крестьянской думы, на которые онъ не зналъ, какъ и ответить.

Вотъ на эту площадку онъ и вызвалъ свою роту. Ночь была блѣдная, свѣтлая, іюньская ночь. Заря все вспыхивала, не рѣшаясь догорѣть, и западъ былъ залитъ золотомъ невидимыхъ лучей. На востокѣ въ темныхъ тучахъ трепетно играла зарница.

Люди собрались неохотно. Это были пожилые, угрюмые, серьезные люди, не разъ выдавшіе передъ лицомъ своимъ смерть, грязно одѣтые, кто в лаптяхъ, кто въ сапогахъ, неумытые, вѣчно сонные и